ЭХО ЧУЖИХ НЕБЕС

роман

Дим ША

Эхо чужих небес

«Автор»
2026

ША Д.

Эхо чужих небес / Д. ША — «Автор», 2026

Афанасий Тихомиров — не герой и не солдат. Он психолог, чья работа — утешать шахтеров на пыльном Марсе. Но когда на спутнике Плутона находят древний портал, его уникальный мозг становится ключом к неизведанным мирам.Шаг за шагом Афанасий проходит сквозь разломы, где разум принимает немыслимые формы: коллективный мицелий Хтони, эфирные певцы Сильфиды, стеклянная хранительница мертвого Архива и планета-паразит, ворующая саму душу.В каждом мире он оставляет часть себя и забирает чужую тайну. Его единственный якорь — шершавый камень с ледяной искрой и память о женщине, которая ждет его дома. Но что останется от человека, когда он увидит изнанку Вселенной?Философская космическая опера о цене контакта, силе памяти и том, что делает нас людьми.

© ША Д., 2026
© Автор, 2026

Эхо чужих небес

Эхо чужих небес

Пролог. Красная пыль и вкус синтетики

Вентиляционные шахты «Олимпа-4» никогда не замолкали. Это был низкий, утробный гул, который чувствовался не столько ушами, сколько грудной клеткой. К этому звуку, как и к мелкой, въедающейся в поры красной пыли, невозможно было привыкнуть — можно было лишь перестать ее замечать, на уровне инстинкта отгородившись от нее, как от фоновой радиации.

Афанасий Тихомиров стоял под тонкой струей воды в узкой кабинке санузла, старательно отмывая от пальцев невидимую, но ощутимую липкость марсианского воздуха. Вода была жесткой, с отчетливым привкусом окисленного железа и хлора. Он смотрел в мутное зеркало. Из него на него смотрел мужчина тридцати пяти лет с глубокими носогубными складками и глазами цвета выцветшего неба над Землей. В глазах этих плескалась та самая, хорошо знакомая ему самому, усталость — не физическая, а экзистенциальная. Усталость от чужих срывов, панических атак и тихих отчаяний.

Его должность в штатном расписании Межпланетного Горнодобывающего Консорциума (МГК) звучала сухо и канцелярски: *«Специалист по психоадаптации персонала в изолированных средах»*. На языке же обитателей «Олимпа-4» это означало «утешитель», «психолог-вытрезвитель» и «тот, кто не дает людям перегрызть друг другу глотки, когда за бортом минус восемьдесят и вакуум, способный вывернуть легкие наизнанку».

Сегодня ему пришлось три часа уговаривать бурильщика по имени Корнев не вскрывать себе вены куском от расшитого шланга. Корнев сорвался, потому что ему приснилось, будто он забыл, как пахнет свежескошенная трава. Афанасий, используя старые земные методики и немного гипнотического внушения, вернул ему сон. Но свою собственную головную боль он забрать не смог.

Он вытер лицо грубым, шуршащим полотенцем и вышел в коридор. Навстречу, тяжело шаркая магнитными башмаками, шел техник в разгрузочном экзоскелете. Они молча кивнули друг другу. В «Олимпе-4» не было места для светских бесед.

В кают-компании, которую шахтеры за глаза называли «У мертвого шлюза», пахло горелым пластиком и цикорием. Афанасий протиснулся к стойке, где, подперев голову рукой, сидела Лена.

Елена была геологом. Она вернулась из выработки всего час назад, и ее комбинезон все еще был покрыт тонким слоем бурого налета. На ее щеке, чуть ниже скулы, белел старый, неровный шрам — память о том, как в секторе «Г» обрушилась порода, и она, расталкивая перепуганных стажеров, успела закрыть их собой. Ее руки, лежащие на столе, были грубы, ногти срезаны под корень, а на ладонях — мозоли, твердые, как базальт.

— Ты выглядишь так, будто только что хоронил кого-то, Афанасий, — сказала она, не поднимая глаз от кружки с дымящейся бурдой. Голос у нее был хрипловатый, от вечной сухости воздуха.

— Корнев, — коротко бросил он, садясь напротив и забирая у нее кружку, чтобы глотнуть. Вкус был отвратительный, словно кто-то растворил в кипятке старую подошву.

— Опять «трава» ему приснилась. Завтра отправлю его на принудительную релаксацию в сенсорную камеру.

— Не поможет, — Елена наконец посмотрела на него. Глаза у нее были темные, тяжелые, как сама порода, которую она долбила по двенадцать часов в сутки. — Здесь ничто не помогает. Мы тут не живем, Фаня. Мы тут отбываем срок. Кислород по карточкам, вода по карточкам, даже сны по карточкам.

Афанасий накрыл ее ладонь своей. Ее кожа была шершавой, горячей и сухой. Он любил эти руки. Он любил ее с той самой, отчаянной и грубой силой, с какой любят на краю пропасти. На Земле, в его прошлой жизни, женщины пахли дорогими духами и требовали подарков. Здесь, на Марсе, любовь была лишена шелухи. Она была как глоток воды: необходима, чтобы не задохнуться.

— Еще два месяца, Лена, — тихо сказал он. — Законтурим жилу в секторе «Д», и я выбью нам перевод. В «Афродиту». На Венере. Там, говорят, небо перламутровое, и можно смотреть на закат часами. Елена усмехнулась, и в этой усмешке было столько нежности, что у Афанасия сжалось сердце. — Ты неисправим, аудитор. Ты все думаешь, что если найти правильные слова, то система прогнется. Система не прогнется. Она нас перемелет.

Она не договорила. Из динамика над стойкой, перекрывая гул вентиляции, вдруг раздался сухой, металлический треск селектора. Обычно по этой волне передавали только штатные расписания или предупреждения о пылевых бурях. Но сейчас голос был чужим, чеканным, с тем самым ледяным оттенком, который бывает у столичных кураторов:

— Специалист Тихомиров А.Р. Просьба немедленно проследовать в административный шлюз номер один. Код допуска: Эшелон-Ноль. Повторяю: Эшелон-Ноль.

В кают-компании повисла тишина. Даже гул рекуператоров словно стал тише. «Эшелон-Ноль» означало не просто срочность. Это означало, что вопросы земной безопасности и тайны Консорциума только что вторглись в их пыльную, потную реальность.

Елена медленно отдернула руку. В ее глазах мелькнуло то, что Афанасий ненавидел больше всего на свете: покорность перед машиной. — Иди, — сказала она тихо. — Только смотри, Фаня, не забудь дорогу обратно.

В административном шлюзе было неестественно чисто. Здесь пахло озоном и стерильностью, что на Марсе резало нос сильнее, чем запах пота. У стены, скрестив руки на груди, стоял куратор сектора, человек по фамилии Шерер. Лицо у Шерера было гладким, словно его ни разу в жизни не касался ни ветер, ни стресс, ни любовь.

— Тихомиров, — начал Шерер, даже не здороваясь. — Вы знакомы с понятием «коэффициент эмпатической резонансной адаптации»? — В академии проходили, — настороженно ответил Афанасий. — Мера того, насколько психика способна выдерживать контакт с когнитивно чуждыми структурами без распада личности. Средний показатель у человека — ноль целых и двенадцать сотых. У меня, если память не изменяет — ноль восемьдесят девять. — Память вас не изменяет, специалист. Ваш показатель — аномальный. Вы — мутант в плане нейропластичности. И именно поэтому вы сейчас летите на Харон.

Шерер нажал на пульт, и между ними возникло голографическое изображение. Афанасий увидел серую, мертвую поверхность луны Плутона. Но в центре кадра, там, где должна была быть порода, зияла идеальная, геометрически безупречная воронка. А внутри нее пульсировало что-то, от чего даже голограмма, казалось, искажала свет. Это не было похоже на материю. Это было похоже на *взгляд*.

— Шахтеры бурили глубокую скважину в поисках изотопов, — монотонно вещал Шерер. — Они нашли то, что мы предварительно классифицировали как «Аннунакские Разломы». Это не просто аномалия пространства. Это... канал. И, судя по всему, он обладает психоактивным полем. Трое наших лучших пилотов, попытавшихся подойти к нему на дронах, впали в кому. Их мозг просто... отказался фильтровать поступающую информацию. Они увидели что-то, что их разрушило. — И вы хотите отправить туда меня? — усмехнулся Афанасий, чувствуя, как по спине бежит холодок. — Я психолог, Шерер. Я утешаю шахтеров, а не лезу в пасть к богу, которого вы даже не можете описать. — Вы не просто психолог. Вы — «ключ», Тихомиров. Ваш мозг способен резонировать с этим полем, не ломаясь. Мы не знаем, что там. Но мы знаем, что вы — единственный, кто сможет туда зайти и, возможно, вернуться, чтобы рассказать нам,

что это такое. Консорциум принял решение. Завтра в ноль-ноль ноль стартует тяжелый крейсер «Прометей». Вы в составе первой экспедиционной группы.

Афанасий посмотрел на пульсирующую воронку. В ней не было ничего человеческого. Но именно это его и притягивало. Он всю жизнь чинил чужие души, склеивая осколки от столкновения с бездушной машиной выживания. А там... там была Иная Машина. Или Иной Бог.

— А если я откажусь? — тихо спросил он. — Тогда вы останетесь здесь, — Шерер безразлично пожал плечами. — Будете утешать бурильщиков до самой пенсии. Но помните, Тихомиров: Консорциум не любит, когда его аномальные активы простаивают. Ваша Лена, кажется, работает в секторе «Г»? Там, говорят, обрушения случаются... часто.

Афанасий сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Он понял, что игра окончена. Его «якорь» только что использовали как рычаг.

— Дайте мне сутки, — глухо сказал он. — Мне нужно с ней попрощаться. — У вас есть двенадцать часов, — ответил Шерер, отключая проекцию. — И не берите с собой ничего лишнего. Туда, куда вы летите, земные вещи не имеют значения.

Они стояли на стартовой площадке. Над головой, сквозь толстое стекло купола, было видно звездное небо — холодное, чужое и бесконечное. Марсианские звезды не мерцали, они смотрели немигающими, жесткими глазами.

Елена не плакала. Она вообще не умела плакать, ее слезы давно выжгла марсианская пыль. Она просто стояла, вцепившись в его куртку, и он чувствовал, как дрожат ее плечи.

— Не надо, Лена, — шептал он, гладя ее по жестким, коротко остриженным волосам. — Я вернусь. Я найду способ. — Ты не понял, Фаня, — ее голос был тихим, но твердым, как кевлар. — Я не боюсь, что ты не вернешься. Я боюсь, что ты вернешься... но это будешь уже не ты. Ты посмотри туда, — она кивнула на гигантский, черный силуэт «Прометея», от которого вибрировала земля. — Там нет ничего для нас. Там только холод.

Она достала из кармана комбинезона небольшой, шершавый камень. Он был идеально гладким, отполированным ее руками до состояния стекла, и внутри него, в самом центре, застыла крошечная, невесомая искра — кристаллик марсианского льда, запечатанный в смоле.

— Это мой «черный ящик», — сказала она, вкладывая камень ему в ладонь и загибая его пальцы поверх него. — Если ты забудешь, кто ты, если они там сотрут тебе память или сломают душу... посмотри на этот камень. Вспомни, как пахнет красная пыль. Вспомни, как я ругаюсь, когда ты разбрасываешь носки. Вспомни, что ты человек. Обещай мне.

Афанасий крепко сжал камень. Острые грани впились в кожу, и эта легкая, земная боль была сейчас самым дорогим, что у него было.

— Обещаю, — сказал он.

Через шесть часов «Прометей» оторвался от поверхности Марса, оставив позади красный горизонт, женщину с мозолистыми руками и гул вентиляции, который Афанасий слышал всю свою жизнь.

Он сидел в каюте, сжимая в кармане шершавый камень, и смотрел, как в иллюминаторе гаснет Марс. Он еще не знал, что этот камень скоро станет его единственным талисманом в мирах, где сама концепция «человека» будет казаться нелепой и смехотворной ошибкой эволюции. Он еще не знал, что «Эшелон-Ноль» — это не просто код допуска. Это точка, после которой нет дороги домой.

Двигатели взвыли, переходя на гиперпространственный режим. Звезды смазались в длинные, тонкие линии, похожие на трещины в разбитом зеркале.

Афанасий Тихомиров, специалист по психоадаптации, закрыл глаза и впервые за долгие годы позволил себе не думать о чужих проблемах. Он думал о том, как пахнет свежескошенная трава.

Глава 1. Серый лёд и чёрная геометрия

Харон встретил их тишиной.

Нет той гулкой, промышленной тишиной «Олимпа-4», где за каждым молчанием слышался скрытый скрежет механизмов. Здесь тишина была абсолютной, ватной, словно кто-то выкачал из мира не только воздух, но и саму возможность звука. «Прометей» опустился на посадочную площадку базы «Летей-7» так мягко, что Афанасий сначала подумал, будто двигатели заглохли в полёте. Но инерция прижала его к креслу, и он понял: они прибыли.

Иллюминаторы были закрыты защитными шторками — стандартная процедура при высадке в зонах с неустановленной психоактивной аномалией. Афанасий расстегнул ремни и посмотрел на своего соседа по каюте — молодого лейтенанта связи по фамилии Гречко. Парень был бледен, и его пальцы нервно поглаживали кобуру, хотя в ней, по инструкции, должен был лежать лишь парализатор.

— Волнуетесь, лейтенант? — спросил Афанасий, потягиваясь. Суставы хрустнули — в невесомости гиперпрыжка тело одеревенело. — Да нет, товарищ специалист, — Гречко сглотнул. — Просто... вы читали отчёты? Про тех троих, что в кому провалились? — Читал. — И вам не страшно? Афанасий усмехнулся, доставая из внутреннего кармана шершавый камень с ледяной искрой внутри. Он покрутил его в пальцах, чувствуя, как знакомая шероховатость возвращает его в реальность. — Лейтенант, я двадцать лет работаю с людьми, у которых от одиночества крыша едет. Знаете, что я понял? Страх — это роскошь для тех, у кого есть что терять. А у меня, — он постучал камнем по переборке, — только вот такой сувенир.

Шлюзовая камера раскрылась с шипением, и внутрь хлынул не воздух — на Хароне атмосферы не было, — а свет. Серый, ровный, почти лишённый теней свет далёкого Солнца, которое отсюда казалось просто особенно яркой звездой.

Афанасий проверил скафандр — долго, методично, так, как его учили в академии, и как он проверял сотни раз на Марсе.

Скафандр был не просто защитой. Это была полноценная капсула жизнеобеспечения, рассчитанная на автономную работу до трёх месяцев без внешнего питания. Внутри, между внешней оболочкой и внутренним слоем, располагалась система рециркуляции: воздух проходил через фильтры, насыщался кислородом из химических картриджей, увлажнялся и возвращался к нему. Влага из выдоха и пота собиралась, очищалась и возвращалась в питьевой резервуар — маленький, всего на два литра, но с системой регенерации, которая могла вытягивать воду даже из мочи.

Питание было сложнее. В нагрудной панели, слева, был встроен инфузионный порт — тонкая трубка, которая вводилась в вену на предплечье через специальный клапан в перчатке. Трубка соединялась с резервуаром питательной смеси — густой, калорийной жидкостью, которая содержала всё необходимое: белки, жиры, углеводы, витамины, электролиты. Смесь подавалась дозированно, каждые четыре часа, поддерживая уровень глюкозы и предотвращая атрофию мышц. Вкус у неё был отвратительный — сладковато-металлический, как у разбавленного сиропа от кашля, — но она работала.

Отходы утилизировались отдельной системой — вакуумной, бесшумной, которая собирала всё и перерабатывала в химические реагенты для фильтров. Температура поддерживалась автоматически: тонкие трубки с теплоносителем, вплетённые в подкладку, нагревали или охлаждали тело в зависимости от внешних условий.

Афанасий ввёл трубку в порт на предплечье — знакомое движение, отработанное до автоматизма — и почувствовал, как тёплая жидкость потекла в вену. Это было неприятно — ощущение, будто в руку вливают что-то чужое, — но необходимый. Без этого он бы не продержался и недели в вакууме.

Он проверил индикаторы: кислород — 98%, питательная смесь — 87%, вода — 91%. Хватит. С запасом.

База «Летей-7» была не столько построена, сколько вгрызена в лёд. Низкие, приземистые модули из титановых сплавов, покрытые слоем намерзшего метана, напоминали стаю притаившихся жуков. Между ними тянулись укрытые кожухами коммуникационные тоннели, и от каждого шага по металлическому настилу посадочной площадки по ногам отдавалась мелкая, противная дрожь.

Их встретил не командир базы, а врач. Невысокая женщина лет сорока, с коротко остриженными седыми волосами и глазами, в которых плескалась та самая, хорошо знакомая Афанасию усталость. На её бейдже значилось: *Д-р Марта Ковальски, главный врач*.

— Тихомиров? — она даже не протянула руки, лишь кивнула. — Хорошо, что вы трезвый. Предыдущий специалист, которого нам прислали с «Прометея-2», оказался алкоголиком со стажем. Пришлось везти обратно. — Я трезв, доктор, — Афанасий пожал плечом, чувствуя, как холод скафандра пробирает до костей. — Хотя, если честно, после гиперпрыжка у меня такое ощущение, будто я выпил три литра технического спирта. — Это нормально. Психика адаптируется. А вот с тем, что внизу, — она кивнула в сторону центрального модуля, — психика не адаптируется. Она ломается.

Они шли по тоннелю, и Афанасий слушал, как гудят стены. Этот звук был другим — не марсианским. Здесь, в глубине ледяной луны, всё звучало иначе: глуше, ниже, словно сам лёд дышал.

— Расскажите, — попросил он. — Что именно происходит с людьми? Марта шла молча ещё метров двадцать, прежде чем заговорила. Её голос был ровным, без эмоций, как у человека, который давно перестал удивляться.

— Первые двое, кто спустился к Разлому без защиты, — шахтёры, местные, с опытом, — просто сели и начали плакать. Не от страха. От... восторга, что ли. Потом перестали есть. Потом перестали говорить. Потом их нашли обнявшимися, мёртвыми. Вскрытие показало: мозг цел, органы целы. Просто... организм решил, что ему больше не нужно функционировать. Как будто он получил ответ на какой-то вопрос, который даже не успел задать. — А трое, что в коме? — Пилоты дронов. Они пытались подойти к Разлому на аппаратах. Их мозг... — она поморщилась, подбирая слово, — их мозг начал *резонировать*. ЭЭГ показывала волны, которых у человека быть не может. Частоты, на которых работает только кварцевый генератор. Они увидели что-то, и их нейроны попытались перестроиться под это «что-то». Не выдержали.

Афанасий сжал камень в кармане. — И вы хотите, чтобы я пошёл туда же? — Я хочу, — Марта остановилась и посмотрела ему прямо в глаза, — чтобы вы не пошли туда же. Я хочу, чтобы вы сделали то, чего не сделали другие. Вы поняли, что это такое. И ушли.

Сам Разлом находился в центре огромной, вырубленной во льду пещеры. Когда Афанасий в сопровождении двух охранников и Марты вышел на наблюдательную галерею, он сначала не увидел ничего, кроме темноты.

Пещера была колоссальной — метров триста в диаметре, с куполом, теряющимся вверху во мраке. Стены, отполированные бурами до зеркального блеска, отражали свет их ламп, и от этого казалось, что они стоят внутри гигантского чёрного яйца.

А в центре, на дне пещеры, было... ничего.

Нет, это было не «ничто». Это было отсутствие. Идеальный круг диаметром метров двадцать, в котором не было ни льда, ни камня, ни даже тени. Свет ламп, падая на его край, не преломлялся, не отражался — он просто исчезал, словно его выпивали.

— Не смотрите долго, — тихо сказала Марта. — У вас начнётся эффект «провала». Мозг попытается заполнить пустоту образами из памяти, и вы не отличите реальность от галлюцинации.

Афанасий смотрел. И чувствовал, как что-то внутри него начинает *откликаться*.

Это было похоже на то чувство, когда в толпе ты вдруг осознаёшь, что кто-то на тебя смотрит. Только здесь смотрело не что-то. Здесь смотрело *Ничто*. И это Ничто было... любопытным.

— Вы чувствуете? — спросил он, не оборачиваясь. — Нет, — Марта покачала головой. — У меня коэффициент ноль целых и восемь сотых. Я для него как камень. А вы... вы для него как зеркало.

Афанасий закрыл глаза. И впервые за всю свою жизнь он услышал не голос. Он услышал *смысл*.

Не слова. Не образы. А чистое, кристаллическое *понимание*, которое всплыло в его сознании, как пузырь воздуха в мутной воде.

...ты — другой. ты — отдельный. ты — маленький. но ты — тёплый...

Он открыл глаза. Разлом пульсировал. Теперь он видел это: по краям идеального круга пробежала едва заметная рябь, словно кто-то бросил камень в чёрную воду.

— Я пойду вниз, — сказал он. — Афанасий, нет! — Марта схватила его за рукав. — Протокол запрещает! — Протокол писали люди, которые не слышали, как оно разговаривает, — он мягко высвободился. — Оно не опасно, доктор. Оно... одиноко. Как и мы все, в сущности.

Он спустился по металлической лестнице, и с каждым шагом гул в его голове становился громче. Не громче — *ближе*. Это было как приближение к человеку, чей шёпот ты едва улавливаешь.

В десяти метрах от края Разлома он остановился. Лёд под ногами был идеально ровным, и в его поверхности отражался его собственный силуэт — маленькая, хрупкая фигурка в громоздком скафандре, стоящая на краю бездны.

...зачем ты пришёл, тёплый?

Вопрос прозвучал не в ушах. Он прозвучал *внутри* его грудной клетки, между рёбрами, там, где билось сердце.

— Меня прислали, — ответил Афанасий вслух, чувствуя себя глупо. — Узнать, что ты. *...я — дверь. я — путь. я — то, что было до вас, и то, что будет после.*— Ты живое? *...я — память. я — эхо тех, кто прошёл. я — голос тех, кто зовёт.*

Афанасий сжал камень в кармане. Лёд. Марсианский лёд. Память о Лене. Память о красной пыли и гуле вентиляции.

...ты несёшь в себе другой лёд. он — тёплый. он — твой. почему ты держишь его, если можешь отдать?

— Потому что он — мой, — тихо сказал Афанасий. — Потому что без него я — просто ещё одно эхо.

Разлом пульсировал сильнее. И вдруг Афанасий понял, что он стоит не на краю. Что лёд под его ногами — это уже не Харон. Что чёрный круг перед ним — это не бездна, а *окно*. И в этом окне, на мгновение, ему показалось, что он видит что-то зелёное. Не марсианский бурый, не харонский серый. А *зелёное*. Живое, пульсирующее, дышащее зелёное.

...ты можешь пройти. но назад — только если ты останешься собой.— А если не останусь? *...тогда ты станешь мной. и будешь звать других.*

Афанасий посмотрел назад. На галерее он увидел маленькую фигурку Марты, которая махала ему руками, что-то крича. Но звука не было. Гул в его голове заглушил всё.

Он достал камень. Посмотрел на ледяную искру внутри. Улыбнулся.

— Лена, — прошептал он. — Если я не вернусь, знай: я не сломался. Я просто пошёл посмотреть, что там, за дверью.

И сделал шаг.

Лёд под ногами исчез. Темнота обняла его, не холодная, а скорее... прохладная, как вода в горной реке. И на мгновение, прежде чем сознание его погасло, он услышал последний шёпот Разлома:

...добро пожаловать, тёплый. добро пожаловать домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.